

что увеличения размеров административного наказания возымело должного эффекта и введение уголовной ответственности является нецелесообразным.

Исходя из вышесказанного, для последующего снижения мероприятий, нарушающих требования ФЗ №54 «О собраниях ФЗ №54 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» необходимо повысить размер штрафа вдвое: для ФЛ в размере до 600 тыс. рублей, для ЮЛ до 2 млн. рублей и для должностных лиц в размере до 1,2 млн. рублей, соответственно внести изменения в ст.3.5 КоАП РФ [13]; [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуев В.Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией. М.: УМЦ, 1995. 118.
2. Кодекс об административных правонарушениях РФ//СПС "КонсультантПлюс/ [Электронный ресурс]. —URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.01.16).
3. Конституция Российской Федерации// СПС "КонсультантПлюс/ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.02.16).
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации//СПС "КонсультантПлюс/ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.01.16).
5. Новое законодательство уничтожает свободу собраний в России//Права человека в России/ [Электронный ресурс]. — URL:<http://www.hro.org> (дата обращения 15.02.16).
6. Люди и книги — мемуары великих, труды неизвестных, замечания посторонних/ [Электронный ресурс]. — URL: <http://az-libr.ru> (дата обращения 10.02.16).
7. Административная преюдиция: оправдано ли возвращение? // Криминалогия.РФ/ [Электронный ресурс]. — URL:<http://crimpravo.ru/> (дата обращения 12.02.16).
8. Данные судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ/ [Электронный ресурс]. — URL: [http:// cdep.ru](http://cdep.ru) (дата обращения 21.01.16).
9. Шаргородский Михаил Давидович//Википедия// [Электронный ресурс]. — URL:<https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 12.02.16).
10. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1982. С. 11–12.
11. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"//СПС "КонсультантПлюс/ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 21.01.16).
12. Федеральный закон от 21.07.2014 N 258-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях"// СПС "КонсультантПлюс/ [Электронный ресурс]. — URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.01.16).

ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦОМ СВОЕЙ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И.А. Михайленко,
студентка 3 курса ИГИП ТюмГУ
направления «Юриспруденция»
iramikhailenko@gmail.com
Научный руководитель:
Н.В. Сидорова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГИП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

В уголовном в процессе всегда имеются темы, вызывающие интерес и бурную дискуссию — как в науке, так и в практике. К подобным темам можно отнести проблему значения признания обвиняемого в системе доказательств по уголовному делу.

Отношение к признательным показаниям лица является мерилем нравственного уровня законодателя и правоприменителя, отражает состоятельность правовой системы. Актуальность и практическая значимость этого вопроса определяется участвовавшими случаями самооговора и применения насилия к подозреваемым и обвиняемым на стадии предварительного расследования, цель которого — получение признания.

Признание лицом своей вины в совершении преступления всегда имело особое значение для российского уголовного процесса. Как верно отмечает Н.А. Соловьева, «в русском уголовном процессе ему, как уголовно процессуальному доказательству, присваивалось приоритетное положение в числе других доказательств, что предопределялось, не в последнюю очередь, особенностями национального менталитета русского народа, который оказывал свое влияние на это правовое явление» [1; 210].

На сегодняшний день признание лицом своей вины (согласно положениям УПК РФ от 2001 года) не признается «лучшим свидетельством всего света», однако признание обвиняемого не лишено процессуального значения. В предусмотренных законом случаях оно делает возможным проведение судебного разбирательства в сокращенном порядке. Часть 2 ст. 77 современного УПК РФ закрепляет, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может лежать в основе обвинения лишь в случае подтверждения его виновности совокупностью имеющихся в деле доказательств [2].

В отечественной науке уголовно-процессуального права сложились различные подходы к значению признания лицом своей вины. Все существующие точки зрения можно условно разделить на две группы: признание необходимо исключить из числа доказательств [3; 52; 4; 45] и признание обвиняемого является «рядовым доказательством» [5; 29; 6; 142].

Хотя признание рассматривалось как самый близкий путь к истине только в инквизиционном процессе, для современных российских следователей это остается актуальным до сих пор, они все еще оценивают признание как «особо убедительное доказательство». Представляется, что исключение признания из числа доказательств является целесообразным в условиях современной российской действительности. К такому выводу приводят применение насилия с целью «выбивания» признания и нередкие самооговоры. Также важно отметить, что признание вины зачастую «расслабляет» и рассредоточивает следователя, он начинает действовать менее энергично, что таит в себе опасность упущений с его стороны в процессе проведения расследования. Согласно названной ч. 2 ст. 77 УПК РФ, признание образует центр доказательственной базы по уголовному делу, поэтому зачастую следователи считают, что при наличии признания, необходимо лишь подтвердить его совокупностью доказательств.

Казалось бы, правило, закрепляющее недопустимость показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденных обвиняемым в суде (ст. 75 УПК РФ), должно защитить лицо от применения насилия. Предполагается, что в присутствии защитника на обвиняемого или подозреваемого не будут оказывать психическое и физическое воздействие, вынуждая дать показания. Подобное правило, конечно, является определённой гарантией и, как показывает практика, безусловно, применять насилие к обвиняемому при защитнике не будут. Это сделают раньше: в ходе оперативных бесед, после чего, на допросе, лицо «добровольно» расскажет заранее выученную речь.

В процессуальной литературе имеется точка зрения, что избежать применения насилия с целью добывания признания можно путем разработки мер действенной проверки прокурором соблюдения процедур при его получении [6; 152]. Однако сложно согласиться с данным выводом: в органах расследования высока корпоративность, то есть, по сути, существует своеобразная «круговая порука». Корпоративный интерес всегда превалирует перед любым другим в силу необходимого постоянного контакта с коллегами в условиях повышенного риска.

Чтобы не быть голословными, приведем следующий недавний пример из практики: в 2013 году Динский районный суд Краснодарского края, а затем Краснодарский краевой суд, рассматривающий дело в апелляционной инстанции, признали сотрудника ОВД по Динскому району Аруцева С.Г. виновным в применении насилия к Руслану Филиппову с целью получения признательных показаний. Оперативник приковал молодого человека к батарее и систематически наносил удары в боксерских перчатках, что вынудило Филиппова написать явку с повинной и признаться в совершении кражи [7].

Из анализа норм УПК РФ и имеющейся практики можно сделать вывод о том, что законодатель не смог искоренить мотивы, побуждающие применение насилия к лицу для получения признательных показаний.

Явлением, тесно связанным с признанием вины по уголовному делу, является самооговор, то есть ложное признание своей вины. Самооговор может выражаться в разной форме: дача показаний, в которых содержится признание, отказ от дачи показаний с одновременным признанием вины. Самооговор может быть реальным (в отношении реально совершенного преступления) и нереальным (в отношении вымышленного преступления).

Причины самооговора могут быть различны: как сугубо личные мотивы гражданина, так и угрозы или насилие над ним либо его близкими. Обычными мотивами самооговора выступают: желание избавиться от наказания настоящего правонарушителя под влиянием родственных, дружеских чувств, давление со стороны начальства (как правило, при экономических преступлениях) либо групповых интересов (зачастую в криминальной сфере), боязнь разглашения компрометирующих сведений третьими лицами, материальная выгода, обеспеченная заинтересованными лицами.

Так в 2009 г. жительница поселка Импахти признала себя виновной в убийстве своего 47 — летнего сожителя. Только благодаря проверке ее показаний на полиграфе выяснилось, что женщина себя оговаривает, а к преступлению причастен ее сын [8].

На самооговор лицо может подтолкнуть желание уклониться от военной службы, от ответственности за более тяжкое преступление (то есть, например, лицо, совершившее квалифицированное убийство оговаривает себя в совершении хищения). Иногда причиной самооговора может быть необходимость излечения в месте заключения от алкоголизма или наркомании. «Популярной» сегодня разновидностью самооговора стало признание водителем высокопоставленного лица своей вины в совершении дорожно-транспортного происшествия, когда настоящим виновником аварии являлся его начальник.

Очень часто самооговор — это результат применений незаконных методов расследования и угроза применения насилия со стороны настоящих виновников преступления.

Ряд ученых процессуалистов критически относятся к отказу от такого доказательства как признание лицом вины. По мнению Н. Андросенко, это повлечет к нарушению прав обвиняемого на защиту [5; 28]. Мы не можем согласиться с таким утверждением. Отказ от рассмотрения признания как доказательства не исключают возможность допроса. При этом если при проведении расследования лицом было добровольно дано признание, вина лица установлена совокупностью доказательств, то у такого признания могут иметься определенные правовые последствия, в том числе его можно рассматривать как, как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Весьма интересным с практической и теоретической точек зрения представляется соотношение признания вины и явки с повинной. Как показывает анализ практики, явку с повинной часто рассматривают как одну из форм признания лицом своей вины в совершении преступления. Однако с этим нельзя полностью согласиться. Верховный Суд РФ в настоящее время четко разграничивает «явку с повинной» и «признание вины» [9]. Явка с повинной — добровольное заявление, которое может иметь место до возбуждения уголовного дела, во время производства по делу, когда не установлено лицо, совершившее преступление, либо если лицо считало, что о совершенном им преступлении правоохранительным органам еще не известно, во всех остальных случаях речь будет идти о признании лицом своей вины. Такое разграничение обусловлено не только правильностью использования процессуальных терминов: важно и доказательственное значение.

Следует отметить, что явка с повинной рассматривается на практике не только как повод для возбуждения дела: в качестве доказательства в порядке ст. 84 УПК РФ используют протокол явки с повинной. При этом, учитывая, что присутствие защитника не обязательно при явке с повинной, ее происхождение и достоверность во многих случаях вызывают обоснованные сомнения, так как есть опасения применения к лицу насилия и иных средств с целью получения признания в форме явки, что уже отмечалось выше.

С точки зрения уголовно-процессуального закона явка с повинной не является показаниями, и к ней нельзя применить правила ст. 75 УПК РФ о недопустимости показаний, данных при отсутствии защитника, а, следовательно, использовать явку с повинной в качестве признательных показаний обвиняемого нет процессуальных оснований. Ряд авторов предлагает применять правило, предусмотренное ст. 75 УПК РФ, к явке с повинной по аналогии [10; 231], однако это прямо запрещено самим УПК РФ. На наш взгляд, признательное заявление лица может быть только основанием для допроса по уголовному делу, и лишь его показания, полученные на допросе, могут иметь доказательственное значение.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Признание лицом своей вины в совершении преступления на протяжении всей истории развития уголовного процесса играло роль важнейшего доказательства даже тогда, когда закон формально устанавливал иные правила. Изменения дефиниций, формулировок уголовно-процессуального законодательства, направленные на гуманизацию процесса расследования, не дают существенных результатов, так как за изменением формы не следует изменение сознания правоприменителей, а, следовательно, и практики: даже сегодня человек рассматривается не как цель, а как средство, подтверждением чему является применение насилия и поощрение самооговоров.

На наш взгляд, если признание вины является единственным полученным по уголовному делу доказательством, то оно не может быть положено в основу обвинения, какие бы сокращённые формы производства не предполагались и какие бы привилегии обвиняемому это не сулило. Однако, если имеется совокупность иных доказательств, подтверждающих виновность лица, то в обязательном получении признания лица нет необходимости, и это должно быть отражено в уголовно-процессуальном законе. Полагаем, что все вышеизложенное позволяет говорить о назревшем пересмотре роли и значения признания обвиняемого как доказательства в уголовном процессе, и даже о возможности отказа от отношения к признанию вины как к уголовно-процессуальному доказательству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьева Н.А. Историко-правовой анализ института признания вины в отечественном уголовном судопроизводстве /Н.А. Соловьева// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2011. — №1. — С. 210-221.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ: по сост. на 02.03.2016г. // Российская газета — 2001. — №249.
3. Куссмауль Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств /Р. Куссмауль// Российская юстиция. — 2001. — №7. — С. 52-53.
4. Будников В.Л. Признание обвиняемым своей вины не является уголовным доказательством /В.Л. Будников// Российская юстиция. — 2007. — №4. — С. 44-53.
5. Андросенко Н.В. Признание подозреваемым, обвиняемым своей вины как доказательство по уголовному делу /Н.В. Андросенко// Мировой судья. — 2008. — №2. — С. 27-29.
6. Новиков С. А. «Я виновен!»: Доказательственное значение собственного признания вины в современном уголовном процессе России /А.С. Новиков// Известия вузов. Правоведение. — 2009. — №1. — С.141-157.
7. Апелляционное определение Красноярского краевого суда Российской Федерации от 11.09.13 по делу №22-6219-13 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.11.2015).
8. Мать оговорила себя, чтобы защитить сына. [Электронный ресурс] // СТОЛИЦА на Onego.ru: Интернет-газета. URL: <http://www.stolica.onego.ru/news/131471.html>. (дата обращения: 24.03.2016).
9. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 №58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — №2. — С. 23.
10. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., доп. и перераб. / Смирнов А.В., К.Б. Калиновский — М.: Проспект, 2009. — 311 с.

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ОТДЕЛЕНИЕ, КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н.М. Мовсисян,
студентка 2 курса ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»

movsisyan96@mail.ru

Научный руководитель:

В.Д. Бекетова,

старший преподаватель

**кафедры теории государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ**

Случаи выявления желания выхода нации из государства, реализации своего права на отделение часто вызывает проблемы. В системе международного права прослеживается абсолютное уважение прав каждого беспрепятственно выби-